

В деревне, расположенной недалеко от столичного военного лагеря, был небольшой дворик с тремя персиковыми деревьями. Их пышные цветы простирались до стены, под которой лежала на спине облезлая желтая собака, радуясь лучам утреннего солнца и обгладывая куриные косточки.

Затем послышался стук копыт скачущей галопом лошади, быстро приближающейся ко двору.

Желтая собака нервно вскочила, намереваясь защитить свои кости, и начала безумно выть.

Конь, белый как снег, высоко поднял копыта в воздух и остановился.

Выгнув спину и выпрямив хвост, желтая собака обнажила зубы, пуская слюни и низко рыча.

Белый конь высокомерно заржал.

Черный плащ всадницы на спине лошади развевался на ветру, открывая огненно-красное боевое одеяние. Она быстро спрыгнула вниз, грациознее трепещущего цветка персика и проворнее орла на охоте. Черты ее лица были четко очерчены, с внешностью и жесткостью, присущими только чужеземным народам. Ее темперамент был подобен знаменитому обнаженному мечу, прекрасному, но запятнанному кровью, который может очаровывать людей и еще больше пугать.

Она подняла голову и огляделась, крепко сжимая в руке длинный черный хлыст, потрескивая костяшками пальцев.

Желтая собака встретила этот пристальный взгляд и тут же вздрогнула. Не осмеливаясь издать еще один рык, пес послушно опустил голову, подобрал с земли куриные кости и, поджав хвост, отчаянно побежал прочь так быстро, как только мог.

Старые ворота внутреннего двора распахнулись, издав скрипучий звук.

Седовласый старик, дремавший на своем месте у дверей, внезапно вскочил и схватил с земли свой топор для колки дров. В его глазах появилась убийственная аура, свидетельствующая о том, что он прошёл через сотню сражений, и которая быстро испарилась, когда он увидел, кто приближается. Он отреагировал только через мгновение, издав удивленный вопль.

- Ге... Генерал? Зачем вы пришли?

- Где Лис? - холодно спросила Е Чжао.

- Вы, вы ищете военного советника... - Лицо старика исказилось, а голос задрожал от испуга. Пытаясь удержаться от дальнейших расспросов, он добавил: - Его... его нет дома! Он... он...

Е Чжао оттолкнула его в сторону, широкими шагами пересекла главный зал, легко отыскав кабинет. Без всякого предупреждения она пинком распахнула деревянную дверь и прогремела: «Чертов Лис! Быстро вышел сюда!»

В комнате стояло семь или восемь высоких книжных шкафов, на письменном столе громоздились бесчисленные книги. Чернила внутри чернильницы еще не высохли, а кисть для письма была небрежно отброшена в сторону. Широко распахнутые оконные рамы слегка покачивались на ветру. Казалось, что в воздухе витает тепло другого человека.

Е Чжао нахмурилась.

- Он убежал?

Старик густо покраснел и заломил руки. Он не осмеливался остановить ее или даже издать какой-либо звук.

- Скорость его побега впечатляет. У него что, выросли кроличьи лапки? - пробормотала Е Чжао себе под нос. Затем она повернулась и приказала: - Когда он вернется, скажи ему, что нам с ним нужно свести счеты!

Старик отчаянно закивал.

- Конечно, конечно.

Е Чжао еще раз оглядела комнату, затем решительно вышла.

Стук лошадиных копыт постепенно затихал вдали.

Спустя почти час пол кабинета сдвинулся, обнажив большую черную дыру. Осторожно высунулась голова, и узкие глазки огляделись по сторонам, проверяя, нет ли кого поблизости. Потом мужчина поспешно выбрался из ямы. Он как раз расслабил мышцы на шее, готовый продолжать писать, когда заметил выражение лица старого слуги за окном, перекошенное так, словно он увидел привидение, и то, как тот продолжал многозначительно смотреть на него и делать жесты, словно перерезал горло.

Лицо Ху Цина тоже потемнело.

Прежде чем он успел сформулировать план действий на случай непредвиденных обстоятельств, налетел сильный порыв ветра.

Е Чжао спрыгнула с крыши, зацепилась ногами за оконную раму и ловко крутанулась в воздухе. Приземлившись позади Ху Цина, она схватила его за плечо, изо всех сил оттащила в

сторону и угрюмым тоном произнесла: «Ты не можешь использовать один и тот же трюк дважды. Неужели ты думаешь, что если ты спрячешься от буддистского монаха, то сможешь спрятаться и от храма?»

- Что, где? Я только недавно начал практиковать даосизм. - На лице Ху Цина мгновенно появилась невинная улыбка, его тонкие глаза изогнулись, как полумесяцы, создавая ощущение, что замерзшая река растаяла после возвращения весны. - Я просто пошёл прибраться в подвале. Я не думал, что у тебя найдется время навестить меня сегодня. Что привело тебя сюда?

- О, ничего особенного, ничего особенного. - Уголки рта Е Чжао приподнялись в устрашающей улыбке, и она прошептала: - Я просто хочу задать тебе несколько вопросов.

- Генерал, я в твоём распоряжении, - с серьезным видом произнес Ху Цин. - Спрашивай прямо, отвечу без утайки.

Е Чжао еще немного усилила свою хватку. «Мы с тобой выросли вместе, - медленно произнесла она, не обращая внимания на гримасу на его лице. - Как ты мог не знать, чего я хочу? После нашей победы в Северной пустыне именно ты посоветовал мне использовать мои пятьсот тысяч солдат в качестве приманки, чтобы заставить императора выдать меня замуж за Ся Юйцзиня. Ты знал, что я всегда хотела обезопасить его. Почему ты хочешь устроить саботаж за моей спиной теперь, когда дело завершилось успехом?

- Когда это я тебе вредил? - озадаченно спросил Ху Цин.

- Заткнись! - сердито бросила Е Чжао. - Когда я беспокоилась о том, как исполнить предсмертное желание моего отца после окончания войны, ты с кислым выражением лица клялся небом, что заяц не ест траву возле собственной норы* и что, если кем-то нужно пожертвовать, я не должна просить тебя. Каждое твоё слово так злило меня, что мне хотелось ударить тебя своей булавой. И теперь, когда мне, наконец, удалось выйти за него замуж, а наши отношения развиваются не столь гладко, ты повсюду распространяешь слухи, позволяя всем думать, что между нами что-то есть. Ты пытаешься подшутить над ним или надо мной? Веришь или нет, но я действительно забью тебя сегодня до смерти.

* обр. нельзя пакостить там, где живёшь.

- Какие слухи я распустил? - Ху Цин сделал вид, что сбит с толку. - Я только сказал, что женщина, которую я люблю, замужем. Мой отец обручил меня с красивой и добродетельной девушкой, когда я был ребенком. Во время войны, думая, что я погиб, она вышла замуж за другого. Значит, теперь я не могу поделиться своей печалью? Может быть, Его Высочество подумал о чем-то другом и неправильно понял?

Е Чжао прищурилась, внимательно наблюдая за его лицом.

- Ты действительно не говорил обо мне?

- Я только рассказал ему о том, как мы вместе сражались в Северной пустыне, - сказал Ху Цин.

- Так почему же Цю Хуа и Цю Шуй тоже так думают? - снова спросила Е Чжао.

- Вероятно, именно тогда Цю Лаоху попытался заставить меня жениться на его дочерях, - сказал Ху Цин, подумав об этом. - Я не выдержал давления, поэтому сказал первое, что пришло мне в голову, и использовал тебя в качестве оправдания. Если генерал еще не была замужем, как у меня, ее младшего брата, хватило бы наглости жениться? Видимо, произошло недопонимание, потому что больше он не смел принуждать меня к браку.

- Что за вздор! - упрекнула его Е Чжао.

Ху Цин беспомощно развел руками.

- Ты же знаешь бандитский темперамент Цю Лаоху. Если я скажу, что мне не нравятся его дочери, он оторвет мне голову.

Е Чжао, наконец, вздохнула с облегчением, а затем, увидев, что этот парень все еще сидит с тем же невинным и простодушным выражением на лице, не могла не разозлиться. Она слегка ударила его несколько раз и выругалась:

- Ты, засранец, можешь уйти как-нибудь, не раздражая меня?

- Кто сказал тебе смеяться надо мной каждый день, когда мы были детьми? - парировал Ху Цин, улыбаясь.

Е Чжао остановилась, отпустила его и серьезно спросила:

- Ты действительно просто шутил?

Тень уныния быстро промелькнула в глазах Ху Цина.

Восемь лет они сражались бок о бок, шли рука об руку, от первоначального отвращения к взаимной поддержке - как он мог ничего не чувствовать?

В его сердце она была могучим орлом, неукротимым тигром, купающейся в крови Асурой [1], самой яркой звездой на горизонте и его единственной верой. Кроме этого, ничего нет и не может быть.

[1] Асуры - демоны-титаны, враждебные божествам.

Не думайте слишком много о вещах, о которых вам не следует думать, и не протягивайте руку за тем, о чем вы не можете просить.

Нельзя причинять боль своим самым близким друзьям. Для людей, которые вместе вернулись из ада на землю, говорить о любви было роскошью. Никто не хотел смотреть в лицо другому, просто чтобы снова и снова не переживать кровавый кошмар Северной пустыни.

Когда вы неосторожно проговорились о чем-то и не можете контролировать свои эмоции, вам приходится отшутиться и похоронить правду под горой лжи.

Он может это сделать.

Ху Цин собрался с мыслями, разжал сжатые кулаки и быстро изобразил улыбку:

- Конечно, это была шутка. Я просто хотел посмотреть, насколько страстно генерал относится к своей жене.

На этот раз Е Чжао отреагировала быстро, ударила его по голове и отругала:

- Он мой муж и мужчина!

- Моя ошибка, не нужно сердиться. - Ху Цин все еще улыбался. - Твой мужчина многого не может, но, по крайней мере, он симпатичный. Он немного задира, как и ты, но ему далеко до твоего уровня. Маленький негодяй встретился с большой негодяйкой! Я предполагаю, что он сильно страдает, верно? Ты пользуешься большим успехом у женщин, генерал.

Е Чжао вспомнила, что произошло прошлой ночью, провела пальцем по губам и двусмысленно улыбнулась:

- На вкус не так уж и плохо.

- Действительно позор, - вздохнул Ху Цин.

- Того же и тебе желаю!

Задохнувшись от ее слов, Ху Цин внезапно почувствовал, что, должно быть, совершил что-то ужасное в своей прошлой жизни, чтобы заслужить знакомство с этой женщиной. Он начал немного сочувствовать Ся Юйцзиню потому, что тот взял в жёны еще большую негодяйку, чем любой другой негодяй. Сколько из его долгов было записано в книге жизни и смерти

Повелителя Ада? Видя это бедное дитя в будущем, должен ли он смеяться над ним поменьше?

<http://tl.rulate.ru/book/6306/3388849>